УДК 316.334.2

ББК 60.56

DOI: 10.35211/2500-2635-2019-4-40-7-14

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР СТРУКТУРАЦИИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА (на примере городов Курской области)*

SOCIO-ECONOMIC IDENTIFICATION OF THE POPULATION AS A FACTOR IN THE STRUCTURING OF URBAN SPACE (on the example of cities in the Kursk region)

ПАСОВЕЦ Юлия Михайловна

Курский государственный университет,
Курск, Российская Федерация
E-mail: yulia_pasovets@mail.ru

Аннотация. В работе предпринимается попытка рассмотреть проблему структурирования социального пространства российского общества в соотношении с его административно-территориальным делением и повседневным миром социально-территориальных общностей. Выбор в качестве объекта исследования городских сообществ обусловлен существенной социально-экономической и социокультурной дифференциацией российских городов.

Обращение к ракурсу повседневности городского сообщества актуализирует исследовательскую задачу по определению материальной составляющей обыденной жизни людей, специфике ее отражения в экономическом сознании и роли для структурирования социального пространства в рамках локальности. Исходя из этого, цель настоящей работы состояла в определении значения идентификации с определенным социально-экономическим слоем как одного из факторов структурирования социального пространства города, его эмпирическом обосновании на материалах опросов населения двух городских сообществ.

В результате проведенного исследования выявлено, что в профиле социально-экономической стратификации городских сообществ, выделенном на основе идентификации жителей с социально-экономическим слоем, самыми массовыми оказываются средние и низшие страты. Тем самым социально-экономическая идентификация структурирует городское социальное пространство, проявляя, с одной стороны, объективное неравенство материальных статусов, с другой – его субъективную оценку.

Определено, что различия экономических условий повседневной жизни населения, связанные с разным уровнем

PASOVETS Yuliya M.

Kursk State University,
Kursk, Russia
E-mail: yulia_pasovets@mail.ru

Abstract. The paper attempts to address the problem of structuring the social space of Russian society in relation to its administrative-territorial division and the everyday world of social-territorial communities. The choice as an object of study for urban communities is due to the substantial socio-economic and socio-cultural differentiation of Russian cities.

Appeal to the perspective of the urban community's everyday life actualizes the research task of determining the material component of people's everyday life, the specifics of its reflection in economic consciousness and the role for structuring social space within the framework of locality. On this basis, the purpose of study was to determine the significance of identification with a particular socio-economic status as one of the factors in the structuring of the urban social space, its empirical substantiation based on surveys of the population of two urban communities.

As a result, the study revealed that the residents' identification with the socio-economic stratum shapes the socio-economic stratification profile of urban communities, and the middle and lower strata are the most widespread in this profile. Thus, socio-economic identification structures the urban social space, manifesting, on the one hand, objective inequality of material statuses, on the other – its subjective assessment.

The study determined that the differences in the economic conditions of the population's daily life, associated with different levels of socio-economic and in-

© Пасовец Ю. М., 2019.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект «Социокультурные основания стратегического планирования развития российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья)» № 18-011-00739.

социально-экономического и инновационного развития городов, не находят прямого отражения в субъективном измерении городского пространства. При идентификации с тем или иным имущественным статусом осуществляется соотношение реального и желаемого уровня материальной обеспеченности, что в ряде случаев приводит к неадекватной (завышенной или заниженной) оценке своего социально-экономического статуса.

Полученные результаты расширяют социологические представления об экономическом сознании и возможностях интерпретации его компонентов как факторов структуризации социального пространства региональных и локальных сообществ, способствуя развитию научных представлений в рамках как экономической, так и региональной социологии.

Ключевые слова: экономическое сознание, идентификация, социально-экономический статус, социальное пространство, город, городское сообщество.

novative development of cities, are not directly reflected in the subjective measurement of urban space. When identifying with one or another property status, a correlation is made between the actual and the wishful level of material security, which may be lead to an inadequate (overestimated or underestimated) assessment of own socio-economic status.

The study results expand sociological knowledge about economic consciousness and the possibilities of interpreting its components as factors in the structuring of the regional and local communities social space. They contribute to the development of scientific ideas in the framework of both economic and regional sociology.

Keywords: economic consciousness, identification, socio-economic status, social space, city, urban community.

Введение. Для современного российского общества сохраняет свою актуальность проблема структуризации социального пространства, связанная с необходимостью его соотношения с организацией физического пространства и поиска оснований для его сегментирования, структурирования. С одной стороны, использование социального пространства как конструкта позволяет анализировать многие социальные проблемы российского социума через призму системы социальных статусов акторов и их взаимодействий, которые определяются ценностями, интересами и социальными нормами (Беляева 2012: 33–34), рассматривать социальные дистанции как проявление дифференциации этого пространства (Беляева 2018: 61–62). С другой стороны, применение такого подхода предполагает выделение сегментов социального пространства, соотносенных с административно-территориальным делением России на федеральные округа, субъекты федерации и городские и сельские муниципальные образования, и позволяет говорить о региональном или городском социальном пространстве как особом феномене.

Регион рассматривается авторами как социально-территориальная и социокультурная общность; мезоуровень структуры российского общества, его социального пространства, в котором социальные акторы (индивиды, социальные группы, общности и др.) формируют систему социальных связей и отношений, вырабатывают и воспроизводят социальные практики, обмениваются социальными ресурсами (Пасовец 2017: 91). В административно-территориальном плане российский регион, совпадающий с границами субъекта федерации, дифференцирован на муниципальные образования (городские и сельские). При этом пространственная асимметрия, связанная с существенной социально-экономической и социокультурной дифференциацией территорий, имеет отношение как к регионам, так и городским и сельским поселениям внутри субъектов федерации (Пасовец 2016). Российские города различаются между собой не только численностью населения (города-миллионники, крупные, средние и малые города), но и уровнем своего социально-экономического и инновационного развития, социокультурными особенностями. Значительные отличия позволяют ряду исследователей относить их к разным типам (Касаткина 2015: 63).

В социокультурной проекции регион может быть представлен как совокупность местных сообществ: городских и сельских, образующих локаль-

ные социальные пространства. Если с нормативно-правовой точки зрения границы города (городского округа) как административно-территориальной единицы определяются, как правило, численностью населения, то в ракурсе социального пространства город с особым образом жизни и видами деятельности его жителей формирует особый сегмент этого пространства (Парамонова, Дулина 2015: 31).

Новые аспекты проблематики структурирования социального пространства российского общества в соотнесении с его административно-территориальным делением обнаруживаются в контексте изучения повседневности как привычных и повторяющихся форм жизнедеятельности индивидов и социальных общностей. Согласно идеям классиков феноменологической социологии (А. Шюц, П. Бергер и Т. Лукман и др.), повседневная жизнь характеризуется через рутинные формы жизнедеятельности, которые поддерживаются воспроизводством ценностей и норм, не подвергающихся сомнению и принимаемых без рефлексии, в результате чего их трансформация происходит практически незаметно для индивидов (Шюц 2004). Повторяющиеся, монотонные действия выступают константой происходящих изменений: такая ситуация делает возможным сосуществование двух разных восприятий жизни, когда одни люди сетуют на быстротечность жизни, другие – на отсутствие каких-либо изменений (Лефевр 2007: 35). Повседневность воспринимает ценности и нормы системного мира посредством их постепенной рутинизации, поэтому является особой формой динамической стабильности (Зарубина 2011: 56). Рассуждая о повседневности и повседневном, А. Лефевр выделяет своеобразные подсистемы повседневной жизни: жилище, одежду и пищу, которые кажутся автономными, но связываются между собой через повседневное (Лефевр 2011: 34). Следует отметить, что современные российские исследователи рассматривают различные основания повседневной жизни, особенно выделяя экономические условия повседневности: жилищные условия, имущество и доходы (Горшков, Крумм, Тихонова (ред.) 2009: 7–21).

Анализ отечественных исследований по этой тематике показывает, что повседневность, повседневные практики рассматриваются на разных уровнях социетальной системы: общества в целом, региональных и локальных сообществ. Так, Н. Н. Зарубина подчеркивает необходимость выявления границ изменчивости (устойчивости) структур повседневности в современном российском обществе. Это актуализировано, с одной стороны, интенсивным развитием информационных и коммуникативных технологий, воздействием глобализации и миграции; с другой – продолжающейся в России трансформацией социальных институтов (Зарубина 2011: 53). Характеризуя влияние глобального финансово-экономического кризиса на условия жизни россиян, М. К. Горшков отмечает, что в этот период российская повседневность проявила себя как устоявшаяся действительность, когда большинство населения сохранило привычные способы и условия жизнедеятельности. При этом для предметной среды повседневной жизни основной части россиян, включающей в себя жилищные условия, предметы быта и возможности питания, характерна скромность, а имущество низших социально-эко-

номических страт устарело (Горшков 2009: 58–61). В свою очередь, С. С. Касаткина обращает внимание на повседневность современных российских городов, которая вплетена в региональный и общероссийский контексты. В этом плане городское пространство отличается особой темпоральностью и ритмом (зависимость от климатических сезонов, работы по сменам, проезда до места работы из пригородов и др.), семантикой (специфические культурные коды и смыслы), креативностью (синтез инфраструктуры и интеллектуальной, образовательной среды, коммуникаций и тому подобного, наличие творчески-ориентированных специалистов) и исторической динамикой (Касаткина 2015: 64–65).

Городское пространство становится той средой, в которой осуществляется жизнедеятельность людей, формируются их социокультурный опыт и идентичность, отражающиеся в повседневном сознании. Внутренне социальное пространство города может структурироваться по различным основаниям, среди которых значимую роль в современной российской реальности играет неравенство социально-экономических статусов, обусловленное различиями в уровне доходов, собственности, потребления и других материальных ресурсах. При этом осознание своего места в социально-экономической иерархии и его принятие/отторжение становятся компонентами процесса идентификации, а оценка этого статуса оказывается своеобразным ее результатом, находит отражение в экономическом сознании людей. И если измерение социально-экономического неравенства населения на основе объективных и субъективных показателей получило достаточное распространение в отечественных социально-стратификационных исследованиях, то понимание идентификации с определенным социально-экономическим статусом как фактора структуриации пространства города еще требует своего обоснования. Как отмечает Н. В. Дулина, именно локальное (городское) сообщество представляется перспективным полем для исследования критериев, связанных с самоидентификацией индивидов (Дулина 2004: 53).

В этом плане возникают исследовательские вопросы о возможности рассмотрения социально-экономической идентификации в качестве основания структуриации городского пространства, ее специфике для разных российских городов как принадлежащих к различным субъектам, так и находящихся внутри одного региона. Попытка ответа на эти вопросы представлена в настоящей работе.

Методика исследования. Эмпирической базой настоящей работы являются результаты полевого исследования двух местных сообществ (городских муниципальных образований): города Курчатова Курчатовского района и города Курска Курской области, проведенного нами в 2018 г. на основе интеграции типологической стратегии и исследования в стиле кейс-стади. Использование типологической стратегии было связано с выбором в качестве объектов изучения двух местных сообществ как первичных социокультурных сообществ – жителей двух городских муниципальных образований: города Курчатова Курчатовского района Курской области как уникального социокультурного и инновационного центра с градообразующей ролью Кур-

ской атомной электростанцией и города Курска как типичного областного центра макрорегиона Центрального Черноземья. Исследование этих местных сообществ в стиле кейс-стади включило в себя использование ряда методов количественной и качественной стратегии социологического исследования, в том числе массового опроса. Опрос населения городских округов области осуществлялся методом полуструктурированного интервью на основании типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона России» (модификация – 2015 г.) с учетом дополнительных параметров и индикаторов. Общий объем выборочной совокупности исследования составил 292 человека.

С целью сопоставления данных по городским округам и региону в целом также используются результаты опроса населения Курской области, проведенного в 2018 г. на основе типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона России» (модификация – 2015 г.) на территории данного региона. Общее количество опрошенных в этом опросе составило 550 человек.

Для измерения социально-экономической идентификации применяется стратификационная шкала, предложенная Л. А. Беляевой для оценки материального статуса индивида по уровню потребления («нищие», «бедные», «необеспеченные», «обеспеченные», «зажиточные», «богатые») и включенная в качестве одного из показателей в типовую методику «Социокультурный портрет региона России» (Беляева 2006). Полагаем, что к низшему слою можно отнести представителей страт «нищих», «бедных» и «необеспеченных»; к среднему слою – «обеспеченных» и «зажиточных»; к высшему – «богатых».

Результаты исследования. Можно говорить об объективном и субъективном измерении социально-экономической стратификации регионального и городского сообщества. Для оценки первого из них зачастую используют данные государственной статистики, отражающие дифференциацию населения по объему денежных доходов и различиям в их уровне; для характеристики второго – результаты социологических опросов населения, позволяющие учитывать самооценку индивидом своего социального и экономического статуса. Последняя понимается как своеобразный результат социально-экономической идентификации респондента, сформированный в результате соотнесения своей социальной позиции с другими статусами в социально-экономической иерархии регионального или городского сообщества.

Основываясь на данных государственной статистики, следует констатировать, что к настоящему времени в Курской области сложился определенный профиль социально-экономической стратификации населения, который стал результатом усиления дифференциации денежных доходов между социальными группами и концентрации основной массы доходов в высокодоходной группе населения за последние двадцать лет (Пасовец 2011). Основными характеристиками данного профиля выступают его контрастность, связанная с сосредоточением около половины доходов у 20 % населения, и границами абсолютной бедности в пределах десятой части населения. Учитывая специфику российской государственной статистики, к абсолютно бедным относятся лица с размером среднемесячных денежных доходов, который оказывается ниже величины прожиточного минимума.

Как показывают результаты опросов населения, к низшему слою социально-экономической иерархии относят себя 41,1 % и 56,2 % опрошенных жителей Курска и Курчатова соответственно. Внутренне этот слой образован теми, кто ассоциирует себя со стратами «нищих», «бедных», «необеспеченных». В городе Курск к ним причисляют себя 7,1 %, 17,5 % и 16,5 % респондентов (перечислены от «нищих» к «необеспеченным»), в городе Курчатова – 8,8 %, 21,2 %, 26,2 %. В городе Курчатова значительно больше тех, кто идентифицирует себя с имущественной категорией «необеспеченных». В масштабах региона о своей принадлежности к низшему социально-экономическому слою заявляют 43,0 % населения, из которых 8,4 % относят себя к категории «нищих», 17,5 % – «бедных», 17,1 % – «необеспеченных».

К стратам среднего социально-экономического слоя («обеспеченным» и «зажиточным») причисляют себя 53,7 % и 42,5 % населения Курска и Курчатова соответственно. При этом внутри этого слоя доля считающих себя «обеспеченными» выше (в городе Курск – 30,6 %, в городе Курчатова – 27,5 %), чем число «зажиточных» (23,1 % и 15 % соответственно). В Курской области число идентифицирующих себя со средним имущественным слоем, как и в городе Курск, составляет около половины населения (52,5 %), из которых 32,9 % относят себя к «обеспеченным» и 19,6 % к «зажиточным». При этом к высшему слою в социально-экономической структуре городских и регионального сообщества относит себя незначительная часть населения (5,2 % жителей города Курск, 1,3 % – города Курчатова, 4,5 % – региона в целом).

Тем самым в профиле социально-экономической стратификации городских сообществ, выделенном на основе идентификации жителей с социально-экономическим слоем, самыми массовыми оказываются средние и низшие страты. Вместе с тем в социальном пространстве города Курчатова, имеющего статус уникального социокультурного и инновационного центра с градообразующей ролью Курской атомной электростанцией, наблюдается большая доля тех, кто идентифицирует себя со стратой «необеспеченных» – верхней прослойкой низшего слоя.

В этом плане для понимания объективных условий формирования социально-экономической идентификации городского населения следует учитывать и существенную разницу в реальном и желаемом уровне располагаемых денежных доходах у большинства населения городов Курск и Курчатова.

По данным государственной статистики, в 2017 г. номинальная начисленная заработная плата в среднем в месяц у работников в рассматриваемых городских округах была выше, чем по региону в целом. Для города Курск этот показатель составил 29746,8 рубля, для города Курчатова – 41085,8 рубля, для области в целом – 27274,1 рубля. При этом если разница в значениях этого показателя денежных доходов населения для города Курск и Курской области незначительна, то в городе Курчатова средняя заработная плата работников в месяц в 1,5 раза больше, чем в регионе. Наряду с этим, несмотря на низкий уровень пенсионных выплат и в городских округах, и в регионе по сравнению с оплатой труда занятых в экономике, средний размер пенсий по городу Курчатова (13290,1 рубля) превышает эти показате-

тели для областного центра и региона: 12604,5 и 12165,0 рублей соответственно (Статистический ежегодник Курской области 2018: 100–104).

Как демонстрируют результаты опросов, для города Курска модальным размером реального уровня среднедушевых ежемесячных доходов в семье является 10000–15000 рублей; желаемого – 20000–30000 рублей. Для города Курчатова эти значения составляют 15000–20000 рублей и 30000–40000 рублей соответственно. Желаемый уровень денежных доходов примерно в два раза превышает их реальный уровень, при этом в городе с развитой промышленностью уровень финансовых запросов большинства населения оказывается намного выше, чем в областном центре с типичным укладом. Это касается и уровня потребления.

Сопоставляя данные государственной статистики и результаты опросов населения, можно полагать, что идентификация населения с определенным социально-экономическим слоем формирует особый срез социального пространства города, в котором объективные экономические позиции индивидов преломляются через призму субъективных запросов и социального сравнения.

Заключение. В результате проведенного анализа можно сделать ряд выводов относительно роли идентификации населения с определенным социально-экономическим статусом для структурирования городского социального пространства.

Выбранные для исследования город Курск и город Курчатов Курчатовского района Курской области отличаются своим административным статусом и уровнем социально-экономического и инновационного развития, что задает разные условия повседневной жизни городских сообществ. В профиле их социально-экономической стратификации, построенном на основе идентификации горожан с социально-экономическим слоем, самыми массовыми являются средние и низшие страты. Тем самым социально-экономическая идентификация структурирует городское социальное пространство, проявляя, с одной стороны, объективное неравенство материальных статусов, с другой – его субъективную оценку.

Вместе с тем в социальном пространстве города Курчатова, имеющего статус уникального социокультурного и инновационного центра с градообразующей ролью Курской атомной электростанцией и отличающегося более высоким уровнем денежных доходов населения, наблюдается большая доля тех, кто идентифицирует себя со стратой «необеспеченных» – верхней прослойкой низшего слоя. Здесь следует учитывать, что при идентификации с тем или иным имущественным статусом осуществляется соотнесение реального и желаемого уровня материальной обеспеченности, и возможна неадекватная оценка своего социально-экономического статуса. В результате этого различия экономические условия повседневной жизни населения, связанные с разным уровнем социального развития городов, не находят прямого отражения в субъективном измерении городского пространства.

Существенная дифференциация самооценок населения своей принадлежности к имущественным стратам по уровню потребления, ее отличия для населения конкретного города и региона показывает значимость соци-

ально-экономической идентификации для структурирования городского социального пространства. В этом плане в отношении города Курчатова проявляется неоднозначность влияния экономического развития на субъективную картину социальной стратификации городского пространства, когда с одной стороны, повышается уровень доходов у всего населения, усиливается дифференциация населения по уровню доходов; с другой – наблюдается осознание этих экономических различий и контрастирование социального пространства города.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Беляева, Л. А.* Социальная стратификация и бедность в регионах России (к составлению социокультурного портрета регионов) / Л. А. Беляева // Социологические исследования. – 2006. – № 9. – С. 52–63.
2. *Беляева, Л. А.* Социальное пространство: от теоретических построений к эмпирическому изучению / Л. А. Беляева // Философские науки. – 2012. – № 6. – С. 22–35.
3. *Беляева, Л. А.* Социальные дистанции как характеристика социального пространства современной России / Л. А. Беляева // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2018. – № 1. – С. 58–72.
4. *Гидденс, Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс; пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
5. *Горшков, М. К.* Российская повседневность в условиях кризиса: социологическое измерение / М. К. Горшков // Социология власти. – 2009. – № 5. – С. 57–74.
6. *Дулина, Н. В.* Социально-структурные процессы в контексте современного российского городского сообщества (на примере города Волгограда) / Н. В. Дулина // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 7 (1) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2004. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания» ; т. 1). – С. 52–67.
7. *Дулина, Н. В.* Социально-экономическое развитие региона как гетерархической системы / Н. В. Дулина // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия. – 2017. – № 1–2 (6–7). – С. 27–32.
8. *Зарубина, Н. Н.* Повседневность в контексте социокультурных трансформаций российского общества / Н. Н. Зарубина // Общественные науки и современность. – 2011. – № 4. – С. 52–62.
9. *Касаткина, С. С.* Повседневность российских городов: символы и смыслы / С. С. Касаткина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 2 ч. – 2015. – № 1 (51). – Ч. I. – С. 63–65.
10. *Лефевр, А.* Повседневное и повседневность / А. Лефевр; пер. с англ. // Социологическое обозрение. – 2007. – Т. 6. – № 3. – С. 33–36.
11. *Парамонова, В. А.* Статус города: теоретико-прикладное значение / В. А. Парамонова, Н. В. Дулина // Известия ВолгГТУ : научный журнал № 9 (172) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2015. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания» ; т. 23). – С. 30–34.
12. *Пасовец, Ю. М.* Имущественная стратификация населения России и ее регионов / Ю. М. Пасовец // Регионоведение. – 2011. – Т. 77. – № 4. – С. 202–210.
13. *Пасовец, Ю. М.* К вопросу о региональном измерении современного российского общества / Ю. М. Пасовец // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2017. – № 1. – С. 90–94.
14. *Пасовец, Ю. М.* Пространственная асимметрия российского общества: социально-экономическое неравенство и социокультурная дифференциация регионов / Ю. М. Пасовец // Философские науки. – 2016. – № 4. – С. 58–69.
15. *Российская повседневность в условиях кризиса* / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. – М.: Альфа-М, 2009. – 272 с.
16. *Статистический ежегодник Курской области. 2018: стат. сб.* / Курскстат. – Курск, 2018. – 424 с.
17. *Шюц, А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц; пер. с нем. и англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.